

УДК 94(497.2)

DOI 10.23951/1609-624X-2017-9-31-40

РОЛЬ БОЛГАРСКОГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА В ИСТОРИИ РУССКО-БОЛГАРСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И. И. Меняйлов (иеродиакон Елисей)

Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых Кирилла и Мефодия, Москва

Представлено исследование жизни и деятельности Болгарского патриарха Кирилла в контексте его русофильских взглядов. В основу работы легла переписка Болгарского первоиерарха с протоиереем Всеволодом Шпиллером и консультантом Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) А. Л. Казем-Бекком. Патриарх Кирилл начал свое административное служение при Синоде Болгарской церкви, сначала в сане иеромонаха, затем архимандрита и викарного архиерея. Спустя некоторое время он стал Пловдивским митрополитом, получив в управление одну из самых больших и древних епархий. Будучи правящим архиереем, он активно выступал в защиту болгарских евреев, которых с приходом нацистов выдворяли из Болгарии и отправляли на тяжелые работы в трудовые лагеря. В 1953 г. митрополит Кирилл был избран патриархом. За время своего архиерейского и патриаршего служения он вел активную переписку с друзьями из России. Дается исторический анализ сохранившихся писем, на основе которого формулируются выводы, определяющие актуальность затрагиваемых тем для современной церковно-исторической науки.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, Болгарская православная церковь, патриарх Алексий, патриарх Кирилл, протоиерей Всеволод Шпиллер, Александр Львович Казем-Бек, переписка.*

Изучение истории русско-болгарских церковных отношений в советский период не представляется возможным без исследования многогранной деятельности выдающегося болгарского церковного лидера – патриарха Кирилла. В современной церковно-исторической науке личность болгарского первоиерарха до сих пор остается в тени, а заслуги в вопросе повышения авторитета Болгарской православной церкви (БПЦ) и укрепления межправославных отношений России и Болгарии должным образом не отражены в работах отечественных и болгарских историков.

Целью настоящего исследования является анализ русско-болгарских церковных отношений в контексте изучения биографии Болгарского патриарха Кирилла на основании документов Центрального государственного архива Республики Болгарии в Софии (Централен държавен архив (ЦДА)). Поставленная цель определяет и задачу, которая заключается в освещении официальной и частной сторон деятельности болгарского патриарха в эпоху коммунистического режима.

В отечественной историографии служение патриарха Кирилла рассматривалось только в контексте изучения русско-болгарских церковных отношений. Вне упомянутого контекста личность Болгарского патриарха историками практически не исследовалась. Но, несмотря на скудость информации по данному вопросу, следует упомянуть работы ряда ученых, которые так или иначе затрагивали эту проблематику. Среди них публикации доктора исторических наук М. В. Шкаровского. В них представлен период биографии патриарха Кирилла, ког-

да он, будучи Пловдивским митрополитом, возглавлял Маронийскую епархию [1]. К этой теме обращалась соавтор и ответственный редактор фундаментального труда «Москва и Восточная Европа» Т. В. Волокитина, которая характеризовала положение патриарха Кирилла в 1950-е гг. как уязвимое во многих отношениях [2], а его избрание на патриарший престол, по мнению автора, состоялось при поддержке политического руководства, которое рассчитывало превратить его «в послушный инструмент государственной власти» [2, с. 247]. Исследователь Ф. В. Суханов, анализируя церковно-государственные отношения в Болгарии в 1940–1950-х гг., так же как и Т. В. Волокитина, полагал, что патриарх Кирилл находился под жестким контролем болгарских властей. Говоря о результатах патриарших выборов в мае 1953 г., он отмечал, что избрание Пловдивского митрополита Кирилла болгарским патриархом произошло во многом благодаря поддержке болгарского правительства, которое, «поставив на должность патриарха „своего“ митрополита, получило возможность в большей степени влиять на жизнь церкви» [3, с. 215].

Болгарскими исследователями личность патриарха Кирилла рассматривалась, как правило, в историко-биографическом срезе. Зачастую авторы приурочивали публикации своих исследований к памятным датам. Так, например, под редакцией С. Шивачева в 2000 г. был выпущен сборник статей, посвященных жизни и деятельности патриарха [4]. В него вошли статьи доцента Ангела Кръстева [5], Владимира Балчева [6], Колевой Радки и Шоповой Славки [7] и др., в которых авторы

освещали отдельные аспекты деятельности первоиерарха. В Московской духовной академии болгарским священнослужителем архимандритом Борисом была защищена кандидатская диссертация «Вопросы христианской нравственности в гомилетическом наследии Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла» [8], в которой автор анализировал проповеди первосвятителя через призму его богословских воззрений. Следует отметить, что еще в 1970-х гг. в Московской духовной академии состоялись защиты квалификационных работ болгарских студентов Ц. И. Чонкова [9] и И. Р. Димова [10] на тему истории русско-болгарских церковных отношений, в которых частично затрагивалась и многогранная деятельность патриарха Кирилла.

В 2009 г. в Болгарии вышла книга «Незабываемая дружба между Кириллом, Патриархом Болгарским, и семейством Фани и Иосифом Юлзари» о теплой дружбе предстоятеля с еврейской семьей в годы фашистской оккупации [11]. В книгу, переведенную с еврейского на болгарский язык, вошли документы и письма, раскрывающие полноту милосердия и сострадания болгарского архиерея этой семье в трудные годы. Один из участников переписки отмечал: «Благодаря письмам Патриарха Кирилла мы держались и наша семья не падала духом, что способствовало преодолению этих трудных обстоятельств» [11, с. 22].

Священник Янко Димов, будучи современником патриарха Кирилла и выступая против Синода, подвергал в своей работе критике его главу [12]. Автор последовательно излагал события из жизни патриарха и негативно оценивал его церковную деятельность. Так, например, он с иронией высказывался об албанском происхождении патриарха Кирилла, которое, по мнению автора, повлияло на его дальнейшую позицию, выражавшуюся в особой любви к Албанской православной церкви, но никак не к Болгарской [12].

Таким образом, анализируя отечественную и зарубежную историографию, следует отметить, что личность патриарха Кирилла отчасти изучалась болгарскими исследователями и поверхностно – российскими. Исследование данной темы на основании болгарских источников позволяет более четко представить картину церковных взаимоотношений русской и болгарской церквей в эпоху коммунистического режима.

Настоящая статья основывается на документах Центрального государственного архива Республики Болгарии. В научный оборот вводятся ранее не исследованные материалы, которые хранятся в фондах 165, 1318к и 1857к. Все эти документы так или иначе касаются личности Болгарского патриарха Кирилла. В частности, в фонде 1318к находятся дипломы о высшем образовании, схема се-

мейного древа, различные справки, свидетельствующие о его происхождении. Особое место в фонде занимает переписка патриарха Кирилла с протоиереем Всеволодом Шпиллером, тогда уже жившим в Москве, и старшим консультантом отдела внешних церковных сношений Александром Львовичем Казем-Бекем. Благодаря сохранившимся письмам удалось выявить много интересных фактов о деятельности Болгарского патриарха Кирилла и его влиянии на важнейшие события в истории русско-болгарских церковных отношений.

Патриарх Кирилл, в миру Константин Марков Константинов, родился в Софии 16 января 1901 г. При рождении будущий патриарх получил болгарское гражданство, однако его родители были албанцами. Они намеренно изменили национальность младенца в свидетельстве о рождении, чтобы таким образом дать своему сыну возможность получить достойное светское и духовное образование, что в дальнейшем во многом определило его судьбу. Впоследствии иерарх всегда очень тепло относился к своей исторической родине и, будучи митрополитом Софийским, поддерживал добрые отношения с посольством Албании в Болгарии.

В 1914 г. он окончил Софийское народное училище «Христо Ботев» и по настоянию отца поступил в Софийскую духовную семинарию, которую окончил в 1920 г. Протоиерей Всеволод Шпиллер, вспоминая о семинарских годах патриарха Кирилла, говорил, что он увлекался написанием богословских статей, которые были очень популярны. «В них привлекала выдержанная тематическая линия, широта интеллектуальных запросов, образный, красочный, живой язык. Молодой автор стремился дать самому себе и верующему читателю ответы на вопросы, волновавшие религиозную совесть», – писал он [13, с. 54]. Эта характеристика резко отличается от мнения других биографов патриарха Кирилла. В основном авторы считали, что Константин Марков во время обучения в семинарии был увлечен идеями анархистов, а по словам священника Я. Димова, вообще был их лидером [12, с. 86].

Действительно, будущий иерарх в юности увлекался идеями анархо-коммунистов и впоследствии не скрывал этого факта. По словам протоиерея В. Шпиллера, в 20-е гг. XX в. в Болгарии сложилась ситуация, когда «все волновалось и перестраивалось под знаком социально-экономических и культурных запросов» [13, с. 54]. Поэтому возможно, что на фоне духовного кризиса общества будущий патриарх не только изучал богословие, но и ненадолго увлекся идеями анархического коммунизма, заключавшимися в перестройке существующей государственной системы управления и провозглашении всеобщего самоуправления.

В 1923 г. Константин Марков возвратился в Болгарию и принял неожиданное для всех решение – стать монахом. 29 декабря 1923 г. в кафедральном соборе св. Недели в Софии он был пострижен в монашество с именем Кирилл митрополитом Стефаном, а на следующий день был рукоположен во иеродиакона.

С 1 января 1924 г. он сотрудник Софийской митрополии, а с 1 февраля – инспектор Софийской духовной семинарии. Однако осенью 1924 г. было решено временно оставить послушания и продолжить образование в качестве стипендиата в Черновицком университете. Таким образом, прослушав четыре семестра лекций по богословию [14], он завершил высшее богословское образование, а также изучил румынский и немецкий языки.

В начале 1926 г. иеродиакон Кирилл вернулся в Болгарию и был назначен секретарем Рыльского монастыря. В 1927 г. Синод командировал его в Австрию, а затем в Германию для углубленного изучения богословия и философии. В 1928 г. отец Кирилл защитил докторскую диссертацию в Черновицком университете. 23 июня 1930 г. в семинарском храме прп. Иоанна Рыльского он был рукоположен во иеромонаха митрополитом Старозагорским Павлом. В 1931 г. иеромонах Кирилл был назначен протосингелом (секретарем) Софийской митрополии. 9 января 1932 г. был возведен в сан архимандрита и назначен начальником Культурно-просветительского центра при Синоде. В 1934 г. стал секретарем Синода. 12 июля 1936 г. архимандрит Кирилл был хиротонисан во епископа Стобийского.

В мае 1938 г. епископ Стобийский Кирилл был избран митрополитом Пловдивским. Владыка Кирилл, получив в управление кафедру с древними традициями и самую большую в Южной Болгарии, направил все свои «силы, дарования и способности для процветания епархиальной жизни» [14, с. 17]. За время его пребывания на кафедре он принял много важных решений, которые способствовали укреплению Пловдивской митрополии и области в целом.

Особую роль митрополит Кирилл сыграл в спасении болгарских евреев в годы Второй мировой войны. После вступления в должность управляющего митрополией он поднял перед Синодом вопрос о проблеме антисемитских настроений, которые стали усиливаться в результате сближения Болгарии и Германии. В 1940 г. вышел закон о защите нации, значительно ограничивавший права евреев. Против этого закона выступили все общественно-политические силы, в том числе и Синод Болгарской церкви. Но, несмотря на протесты, в январе 1941 г. законопроект был ратифицирован. Таким образом, евреев массово стали выселять из

крупных болгарских городов и отправлять на тяжелые работы в Германию.

В Пловдиве был организован специальный поезд, на котором евреев должны были вывезти из Болгарии. Владыка Кирилл отправился в полицию для встречи с помощником начальника управления. Последний, выслушав негодование митрополита и его ходатайство о людях, предложил ему обратиться по этому поводу к правительству. На это архиерей ответил: «Я всегда был лоялен к правительству, но сейчас я решаю этот вопрос так, как говорит мне моя епископская совесть» [14, с. 23]. Очевидцы рассказывают, будто бы митрополит был настроен столь категорично, что однажды сказал: «Если даже заполненный евреями поезд попытается покинуть город, я лягу на рельсы перед ним» [14, с. 23]. В результате деятельности Болгарской церкви и митрополита Кирилла еврейское население по большей части было сохранено от депортации. Ежегодно 9 марта по установившейся традиции в Израиле чтится память спасения болгарских евреев от уничтожения.

В январе 1945 г., после тридцатилетнего перерыва и синодального управления, Болгарская православная церковь избрала новым экзархом Софийского митрополита Стефана. Митрополит Кирилл был одним из приближенных соратников нового главы БПЦ. После снятия Константинопольской патриархией схизмы с Болгарской церкви в феврале 1945 г., межцерковная деятельность стала более масштабной, и митрополит Кирилл стал для митрополита надежным подспорьем в вопросах межправославного сотрудничества и церковно-административной сферы в целом.

В 1948 г. митрополит Стефан возглавил болгарскую церковную делегацию на Всеправославном совещании в Москве. В состав делегации входил и Пловдивский митрополит Кирилл. После возвращения со Всеправославного совещания митрополита Стефана в результате заранее спланированной церковно-политической акции сместили с должности экзарха и отправили на покой. В январе 1949 г. были избраны новый наместник-председатель Синода Врачанский митрополит Паисий и несколько постоянных членов, в том числе и Пловдивский митрополит Кирилл [15, л. 2]. В 1951 г. митрополит Паисий ввиду некоторых церковно-государственных обстоятельств был смещен с должности наместника-председателя. И Пловдивский митрополит Кирилл стал новым главой Синода. За время председательства в Синоде он проявил себя как искусный дипломат, сыгравший большую роль в укреплении межцерковных отношений Русской и Болгарской церквей, а также пользовался поддержкой и уважением руководства Русской церкви. Это способствовало его избранию в мае 1953 г. Болгарским патриархом.

Не касаясь всего спектра церковно-политической активности патриарха Кирилла, следует выделить отдельные направления его деятельности, которые имеют важное значение в развитии двусторонних церковных отношений России и Болгарии.

В Центральном государственном архиве Республики Болгарии в Софии сохранилась многолетняя переписка патриарха Кирилла и протопресвитера Всеволода Шпиллера. Отец Всеволод был белоэмигрантом, он переехал в Болгарию в 1921 г. Окончив богословский факультет Софийского университета, преподавал гуманитарные предметы в гимназии, сельскохозяйственном институте и Софийском университете. В 1934 г. епископом Серафимом (Соболевым) был рукоположен в священник сан. В 1946 г. во время визита русской церковной делегации в Болгарию он познакомился с патриархом Алексием и в дальнейшем поддерживал с ним теплые отношения. По словам Ф. В. Суханова, отец Всеволод стал для Московской патриархии «одним из самых важнейших источников информации о положении дел внутри БПЦ» [3, с. 164].

В 1947 г. отец Всеволод получил советское гражданство. В феврале 1950 г. он переехал в Москву и был зачислен в клир Московской епархии. Покинув пределы Болгарии, он сохранил добрые отношения с Пловдивским митрополитом Кириллом, о чем свидетельствует их переписка. Следует заметить, что митрополит Кирилл был в дружественных отношениях с протоиереем Всеволодом Шпиллером еще с 1930-х гг., когда последний являлся клириком Пловдивской епархии. Митрополит Кирилл лично знал его семью, поэтому после возвращения отца Всеволода в СССР болгарский иерарх в письмах интересовался как событиями, происходящими в Русской церкви, так и жизнью членов его семьи.

В мае 1950 г. митрополит Кирилл писал отцу Всеволоду о командировке архимандрита Максима (Минкова) и священника Иоанна Караджова на Болгарское подворье в Москву. По мнению митрополита, пребывание болгарских священников в России, под отеческим руководством патриарха Алексия и Крутицкого митрополита Николая (Ярушевича), могло быть очень полезно в духовном и культурном аспектах. В письме он выражал надежду на быстрое изучение священниками русского языка и русской культуры, а также на «приобщение их к чистоте русского православия» [16, л. 22]. Митрополит Кирилл был убежден, что патриарх Алексий поспособствует в этом священникам во время их пребывания в Советском Союзе [16, л. 22].

В ответном письме отец Всеволод делился переживаниями по поводу своего возвращения на родину. Он приносил извинения, что несколько месяцев не осведомлял митрополита о насущных обще-

церковных вопросах Русской церкви: «Знал, что Вы и Св. Синод[,] конечно[,] нуждаетесь в частных осведомительных комментариях к некоторым фактам и официальным документам. Мне[,] конечно[,] надо было написать Вам и Владыке Паисию» [16, л. 24]. Характерно, что председателем Синода Болгарской церкви был Врачанский митрополит Паисий, однако все вопросы международного и общецерковного характера проходили через митрополита Кирилла.

Протоиерей Всеволод Шпиллер, говоря об официальных документах, имел в виду послание патриарха Алексия всем главам поместных православных церквей о «сотрудничестве в деле мира во всем мире» [17, с. 5]. По просьбе Крутицкого митрополита Николая он разъяснял «подтекст» этого послания. В обращении патриарх Алексий как бы вскользь упоминал о том, что желательно организовывать совещания «представителей поместных Церквей по выработке программы совместных действий для защиты мира» [17, с. 6]. Отец Всеволод обращал внимание митрополита Кирилла на то, что не нужно «придавать фразе этой смысла более широкого[,] чем тот, в каком она сказана» [16, л. 24 об.]. Патриарх Алексий, отмечал отец Всеволод, «не имел и не имеет в виду конкретных чьих бы то ни было починов организации всеправославного собрания с целью оказания православными церквами поддержки делу защиты мира» [16, л. 24 об.]. Протоиерей В. Шпиллер пояснял митрополиту Кириллу, что нужно различать собрание христианских представителей не православных церквей и собственно объединения усилий поместных православных церквей в деле защиты мира. Он передавал удовлетворение патриарха Алексия в связи с готовностью Болгарской церкви включиться во всеправославную акцию в пользу мира, но предостерегал от полноценного участия в собрании, созываемом по инославной инициативе в Чехословакии, в котором предполагалось участие представителей разных церквей [16, л. 25]. Автор письма отмечал, что «было бы неправильно предполагать, что на нем или в его кулуарах может состояться прелиминарное или какие-нибудь подобные совещания православных его участников» [16, л. 25]. Поэтому отец Всеволод предлагал не «снаряжать туда большие делегации», а отправить на этот съезд одного или двух делегатов.

Таким образом, поддерживая неофициальные дружественные отношения с Московской патриархией через протоиерея Всеволода Шпиллера, митрополит Кирилл был осведомлен в межцерковных делах не только Русской и Болгарской церквей, но и конфессий других стран.

В переписке затрагивались не только церковные, но и личные темы. Поздравляя с Пасхой в 1952 г.,

отец Всеволод позволил себе немного вольности в обращении, которая подчеркивала его чувство юмора. Желая здоровья Пловдивскому митрополиту, он упомянул о его сахарном диабете: «Половину сахара Вы[,] наверное[,] оставили в Чехии, с другой расстались[,] должно быть[,] теперь, и когда мы увидимся[,] Вы скажете, что выздоровели, и мы это увидим, и будем этому особенно рады!» [16, л. 32].

В этом же письме протоиерей В. Шпиллер передал общее благорасположение русских иерархов по отношению к Болгарской церкви и к митрополиту Кириллу в частности. Помимо патриарха Алексия и митрополита Николая (Ярушевича) отец Всеволод упоминал митрополита Григория (Чукова), который «всегда говорит о [митрополите Кирилле] с особенной симпатией и теплотой» [16, л. 32]. Отец Всеволод вспоминает, как он, будучи клириком Пловдивской епархии, встречал митрополита Кирилла, только что избранного на Пловдивскую кафедру: «Где бы Вы ни проходили, за Вами неизменно и вполне[,] так сказать[,] заслуженно несутся те же восхищенные восклицания: „Э, как хорош этот владыка!“» [16, л. 32 об.].

Особенно трогательны строки, в которых отец Всеволод писал о своей ностальгии по Болгарии: «Владыка, от Вас я не оторвался. Свою вторую Родину люблю, помню, чту. Воспоминания о ней и о прожитом в Болгарии времени мне очень дороги, хотя здесь [в Москве] я до сих пор наслаждаюсь своим возвращением и полон впечатлениями, все кажущимися еще новыми» [16, л. 32 об.].

В ответном письме митрополит Кирилл приглашал протоиерея В. Шпиллера приехать в Болгарию в составе официальной делегации во главе с митрополитом Николаем (Ярушевичем), визит которого планировался на конец мая 1952 г. Он выражал надежду, что приезд отца Всеволода на его вторую родину будет полезен не только ему самому, но и поможет митрополиту Николаю: «Вы хорошо ориентируетесь на местности и знаете наш народ, поэтому это упростило бы пребывание Высокопреосвященнейшего владыки в Болгарии» [16, л. 33 об.]. К сожалению, Совет по делам Русской православной церкви (РПЦ) не одобрил включение протоиерея Всеволода в состав официальной делегации.

Особенно интересны для нас письма, относящиеся к 1962 г. Именно в том году начал работу Второй Ватиканский собор, к которому не все поместные церкви отнеслись однозначно, в результате чего возникло много дискуссий в плоскости межправославного и межхристианского сотрудничества. В переписке патриарха Кирилла и отца Всеволода активно обсуждалась повестка дня Ватиканского собора и отношение к нему Русской и Болгарской церквей.

Патриарх Кирилл с сожалением писал о развивающейся в умах католических кардиналов идеи признания папы в качестве непогрешимого и верховного носителя полной власти Христа на земле. Первоиерарх отмечал: «Если бы Римская курия, которой в сущности принадлежит непогрешимость, отреклась от этой позиции, то есть выбросила догмат о непогрешимости папы и исключительной полноте его власти, тогда от католицизма, как стройной идеологической системы[,] останется весьма мало, но зато Западная Церковь приобретет силу, приближаясь к учению Древней Церкви» [16, л. 10]. Патриарх Кирилл осознавал, что принятие догмата о непогрешимости папы еще больше разделит восточные православные церкви и западный католический мир.

Но больше всего в преддверии открытия Собора он недоумевал по поводу агрессивной позиции католических богословов по отношению к православной церкви: «Авторы называют ее схизматической и диссидентской. В прошлом ее называли даже еретической. Сейчас все же считают, что это оскорбительно для православного мира[,] и его используют во внутрикатолических отношениях. Но разве определения схизматическая или диссидентская не столь оскорбительны? Мы, православные богословы, гораздо больше щадим Католическую Церковь и никогда не называем ее ни схизматической, ни диссидентской или даже еретической, вопреки всем догматическим нововведениям в ней. Это делаем ради христианской широты богословских взглядов» [16, л. 10 об.].

Таким образом, из переписки видно, что Болгарская церковь, возглавляемая патриархом Кириллом, болезненно реагировала на повестку дня Ватиканского собора. Протоиерей Всеволод Шпиллер, как уже было отмечено выше, являлся связующим звеном между Русской и Болгарской церквами, поэтому общецерковные вопросы, обсуждаемые патриархом Кириллом с отцом Всеволодом, передавались непосредственно митрополиту Николаю (Ярушевичу) или, если это был срочный вопрос, напрямую патриарху Алексию. Болгарский патриарх надеялся на скоординированную работу с Московской патриархией по выработке общей позиции по проведению Католического собора.

Следует отметить, что отец Всеволод в храме св. Николая в Кузнецках, где он был настоятелем, вел активную проповедническую деятельность, за что подвергался давлению со стороны властей. По воспоминаниям его сына, он нередко подвергался критике и со стороны церковного руководства. Иван Шпиллер отмечал: «Ему приходилось давать личные и письменные объяснения церковному начальству по поводу поступавших на него доносов» [18, с. 592]. Начиная с 1964 г. отец Всеволод в

письмах к патриарху Кириллу стал упоминать об охлаждении по отношению к нему со стороны главы международного отдела Московской патриархии митрополита Ленинградского и Ладожского Никодима (Ротова). Упомянув о своих планах на предстоящий отпуск: «Летом собираемся отдыхать с Людмилой под Москвой. Вероятно[,] никуда ездить не буду. Устал, прошу дать передышку, да и не жалуется меня теперешний наш председатель Отдела внешних церковных сношений, так что я могу рассчитывать на несколько спокойных месяцев. К счастью, некоторые расхождения в точках зрения по многим вопросам церковной жизни нельзя считать очень важными, в этом во всем много „конъюнктурного“, как мы говорим. А оно – преходящее» [16, л. 37 об.].

В письме от 16 января 1968 г. отец Всеволод делился информацией о проблемах и трудностях русских приходов за границей. Эту информацию он черпал из писем, которые приходили к нему из разных стран. Анализируя корреспонденцию, он полагал, что трудности заграничных приходов возникают главным образом «вследствие недостатков и несовершенства мирских и церковных законов» [16, л. 44]. Поэтому он считал, что «скорби наши так часто происходят не столько от стеснительных законов, сколько от их „незаконного употребления“» [16, л. 44].

Проводя сравнительный анализ между зарубежными церковными общинами и приходами, расположенными на территории СССР, отец Всеволод замечал, что ситуация одинаково критична, потому что стали «незаконно употреблять» светские и церковные законы. Он поясняет это так: «Я имею в виду и устранение мучающих приходы, в частности и мой приход, аномалий; и общее состояние церковных дел, от которых не может быть насильственно отведен интерес „рядового“ священника, которому как „рядовому“ не следует совать свой нос в дела „генералов“» [16, л. 44]. Здесь отец Всеволод говорил о некоторых священнослужителях, открыто выступавших против церковной политики советских властей. В частности, он кратко излагал свою беседу с архиепископом Ермогеном (Голубевым), который в то время уже находился на покое и критиковал официальную позицию Русской церкви в сфере церковно-государственных отношений и по некоторым внутрицерковным вопросам. Главным образом владыка Ермоген выражал несогласие с решением Архиерейского собора РПЦ 1961 г. Своим постановлением Собор внес изменения в «Положение об управлении Русской Православной Церкви», касающиеся раздела «О приходах». В отзыве на решения Собора архиерей высказал мнение, что настоятель храма может и должен быть избираем в число членов исполнительного органа

каждого храма и не должен оставаться посторонним наблюдателем, а быть активным участником как в духовной, так и в хозяйственной жизни своего прихода. В Болгарской церкви ситуация в церковно-приходской жизни была несколько иная: председателем приходских советов являлся настоятель храма, а не староста, как это было в Русской церкви, который назначался с согласия, а часто и по инициативе государственных органов.

Также в беседе с отцом Всеволодом архиепископ Ермоген высказал несогласие с решением патриарха Алексия о смещении его с архиерейской кафедры и странном, с канонической точки зрения, пребывании его на покое. Более того, он в корне был не согласен с порядком избрания и назначения на епископские кафедры архиереев Русской церкви. Такая критика церковной действительности заставила протоиерея Всеволода Шпиллера поделиться своими мыслями по этому поводу с патриархом Кириллом как с главой братской Болгарской церкви. По мнению отца Всеволода, в настоящее время не следует ригористически относиться к существующему положению Русской церкви в советском государстве. Ссылаясь на митрополита Антония (Блума), он полагал, что сейчас не только в Русской церкви, но и в других поместных церквях идет процесс становления, который затрагивает все стороны церковной жизни. Поэтому он замечал, что «все процессы становления в Церкви всегда сопровождалась страшными трудностями. Их можно бояться и не бояться – но нельзя никому из нас не быть ими озабоченными» [16, л. 45].

Отец Всеволод искренне верил, что «под омофором Святейшего Патриарха Алексия» все трудности будут преодолены. В частности, ссылаясь на собственный священнический опыт, уверял патриарха Кирилла, что его приход является тому ярким примером: «Вся жизнь моего прихода, со всеми известными Вашему Святейшеству трудностями, есть живая иллюстрация „церковного делания“, для которого действительно чрезвычайно важно не охранение одной только православной „внешности“, но живая верность подлинному церковному Преданию, догматическому, литургическому и каноническому принципу, обуславливающему это делание» [16, л. 45].

Таким образом, протоиерей Всеволод ясно высказал официальную позицию Московской патриархии по поводу притеснения церкви в СССР. Именно надежда на светлое будущее не давала духовенству впадать в «панику», вследствие которой развивались оппозиционные настроения в церковной среде. Он старался убедить главу Болгарской церкви, что антирелигиозная политика стран народных демократий постепенно сменится конструктив-

ным церковно-государственным диалогом, который позволит церкви снова интенсивно развиваться во всех направлениях церковной жизни.

Переписка велась преимущественно на болгарском языке. Но некоторые письма протоиерея Всеволода только начинались и заканчивались на болгарском, основная же часть текста была написана на русском языке. Так отец Всеволод писал в тех случаях, когда в письме содержалась особенно важная информация. Его болгарский язык был не на столь высоком уровне, поэтому он опасался, что до адресата дойдет неточная информация. Он часто спрашивал разрешения делать вставки на русском языке, чтобы более точно выразить свою мысль.

В письме от 8 марта 1970 г. отец Всеволод сообщил: «У меня есть одно очень деликатное, а правильно было бы сказать – не деликатное, совсем “частное” поручение, которое требует особенной лингвистической ловкости, чтобы не вышло вдруг никакого потрясения» [16, л. 50]. Автор рассказывал о своей последней встрече в Переделкине с патриархом Алексием. Кульминацией беседы стало наставление Святейшего, в котором он, предчувствуя скорую кончину, просил отца Всеволода благосклонно и доброжелательно относиться к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену. Вот как об этом пишет сам протоиерей Всеволод Шпиллер: «Вы его [митрополита Пимена. – *Авт.*] любите! – сказал Патриарх Алексий. При этом даже сказано было, как бы пояснено – за что. О некоторых из упомянутых качествах, как показалось мне, можно было заметить, что они не столько качества или добродетели, сколько, так сказать, отсутствие весьма порочающих недостатков. В это время на меня пристально смотрели очень серьезные, по-прежнему красивые, очень печальные глаза. – Конечно, это так, вы его не любите! – Я помолчал и спросил: это завет? [–] Мне было отвечено, очень тихо, очень грустно: – Если хотите, да» [16, л. 50 об.].

Действительно, новоизбранный после смерти Святейшего патриарха Алексия патриарх Пимен не благоволил к протоиерею Всеволоду Шпиллеру, а в 1972 г. даже снял его с настоятельства и отправил на покой. Спустя некоторое время, ввиду того что новый настоятель скоропостижно скончался, отца Всеволода вернули на прежнюю должность, на которой он находился до своей кончины 8 января 1984 г.

В этом же письме протоиерей Всеволод пишет о деятельности появившейся в Болгарии группы старостильников, считавших себя последователями и учениками архиепископа Серафима (Соболева). Официально старостильная БПЦ была создана только в 1993 г., но ее костяк был сформирован еще в 1968 г. в Покровском женском монастыре в

Княжеве, который и сегодня является «единственным старостильным монастырем в Болгарии» [1, с. 345].

В беседе патриарх Алексий поднял проблему канонического положения монахинь Покровского монастыря, которых официальная Болгарская церковь отлучила от причастия. Святейший сказал: «Мне пришлось испытать в этот день и тогда, когда мне вдруг как бы пожаловались на “глубокое огорчение”, происходящее вследствие неурегулированности положения, даже лишенных причастия монашек наших в Княжеве» [16, л. 50 об.]. Он просил своего собеседника принять участие в разрешении этого конфликта, зная, что отец Всеволод имеет не только официальные контакты с Болгарской патриархией, но и личные дружественные отношения с патриархом Кириллом. Патриарх Алексий, несмотря на то что де-юре эти монахини были в расколе, де-факто, как это указано в письме, считались «нашими», просил отца Всеволода, чтобы тот решал вопрос не от имени Московского патриарха, так как это могло скомпрометировать Святейшего, а от своего лица. Отец Всеволод сообщал в письме патриарху Кириллу, что ему последовало поручение, которое заключалось в том, чтобы он, «не смея, от имени домакина (хозяина. – *Авт.*) переделкинской усадьбы, беспокоить Ваше Святейшество какими бы то ни было просьбами, тем не менее сумел бы дать Вам знать, как бы он был обрадован, если бы Вы пожелали найти и нашли компромиссное решение „для этого случая“, в результате чего „наши“ монашки могли бы в своем монастырьке причащаться по праздникам» [16, л. 50 об.].

В ответном письме патриарх Кирилл довольно сдержанно ответил, что о Покровском женском монастыре ему особенно нечего сказать. Он пояснил, что там сложилась неблагоприятная обстановка из-за неканонической деятельности нескольких сестер, которые пытаются дискредитировать священноначалие Болгарской церкви: «Обе Серафимы хотят поставить себя выше Св. Синода Болгарской Православной Церкви и показать себя спасителями Православия. Неужели Русская Православная Церковь терпит своеволия? Она очень строга. Однако мы терпеливы и снисходительны, но в меру» [16, л. 52]. Таким образом, этот вопрос тогда не был решен, и конфликтная ситуация сохранилась до настоящего дня.

После смерти патриарха Алексия в апреле 1970 г. интенсивность переписки патриарха Кирилла и протоиерея В. Шпиллера снизилась. Последнее письмо патриарха Кирилла датируется 23 августа 1970 г. Святейший еще раз выразил сожаления в связи с кончиной предстоятеля Русской церкви. По его словам, эта «потеря не

только для Русской Православной Церкви, но и для всего Православия» [16, л. 55].

Патриарх Кирилл также состоял в переписке с некоторыми сотрудниками Отдела внешних церковных сношений. Одним из них был Александр Львович Казем-Бек. Он так же, как и протоиерей Всеволод Шпиллер, был эмигрантом. В 1957 г., получив советское гражданство, вернулся в Москву. С 1962 г. являлся старшим консультантом Отдела внешних церковных сношений, а также был членом редколлегии «Журнала Московской патриархии». Скончался 21 февраля 1977 г.

Переписка патриарха Кирилла и Александра Казем-Бека датируется 1969–1970 гг. Из нее следует, что патриарх Кирилл поддерживал искренние дружественные отношения со многими русскими людьми, которые так или иначе были связаны с Болгарией. В одном из писем от 14 августа 1970 г. А. Л. Казем-Бек рассказывал о том, что он закончил написание очерка «О положении Римской Церкви в 1970 году», который планировал переправить патриарху Кириллу. Он сообщал: «Это был „заказ“ В. А. Куроедова[,] и писал я для него и для нашего Владыки Никодима» [19, л. 1]. Он хотел, чтобы Болгарский патриарх также смог познакомиться с его трудом и дать ему оценку. Характерно, что А. Л. Казем-Бек отправлял свой труд через Андрея Николаевича Игнатьева, который также являлся русским эмигрантом, жил в Болгарии и занимался русско-болгарской православной публицистикой. Таким образом, спустя десятилетия многие эмигранты вернулись в СССР, но точкой соприкосновения с Болгарией для них оставался Патриарх Кирилл, который регулярно принимал гостей из СССР не только в официальном порядке, но и устраивал им замечательный отдых на черноморском побережье Болгарии.

Следует отметить, что Александр Казем-Бек очень высоко оценивал заслуги патриарха Кирилла в межправославных отношениях. Он считал его од-

ним из самых выдающихся первоиерархов в православном мире. В заключение одного из своих писем он писал: «Хочу еще раз выразить Вашему Святейшеству чувства любви и восхищения, которые я всегда испытывал к Вашей Особе. Теперь, после преставления нашего оплакиваемого Патриарха, все мое преклонение еще сильнее сосредоточилось на Вас – вожде славянского Православия» [19, л. 3].

Анализируя переписку патриарха Кирилла с протоиереем Всеволодом Шпиллером и Александром Львовичем Казем-Бекем, видно, что тематика этих писем затрагивала самый широкий спектр общецерковных проблем. На первый взгляд письма могут показаться не связанными между собой логической цепочкой, но если каждый отдельно обсуждаемый вопрос рассматривать в церковно-историческом контексте того времени и тех реалий, то становится понятна позиция Русской и Болгарской церковью по ряду ключевых проблем.

Скончался патриарх Кирилл 7 марта 1971 г., всего на год пережив своего собрата – патриарха Алексия.

Международная церковная деятельность патриарха Кирилла в основном была направлена на укрепление отношений между Русской и Болгарской церквями. Ориентация Болгарского патриарха на Московскую патриархию в вопросе церковно-государственного диалога способствовала сохранению церкви как института в условиях коммунистического режима. Регулярный мониторинг происходивших процессов в РПЦ и скоординированные действия с ней позволили патриарху Кириллу объединить Болгарскую церковь вокруг своего предстоятеля, что значительно ослабило антирелигиозную политику болгарских властей. Таким образом, пройдя через все трудности антицерковных гонений, Русская и Болгарская церкви смогли отстоять свои позиции как на межправославном уровне, так и в государственно-политической плоскости.

Список литературы

1. Шкаровский М. В. История Болгарской Православной Церкви и ее отношений с Русской Церковью в первой половине XX века. СПб.: Изд-во СПбГДА, 2014. 360 с.
2. Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: очерки истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2008. 807 с.
3. Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии (середина 1940-х – начало 1950-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2009. 238 с.
4. Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина / под ред. С. Шивачева. Пловдив, 2001. 143 с.
5. Кръстев А. Патриарх Кирилл и его роль в спасении болгарских евреев // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина. Пловдив, 2001. С. 20–26.
6. Балчев В. Выборы Стобийского епископа Кирилла Пловдивским митрополитом // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина. Пловдив, 2001. С. 26–31.
7. Колева Р., Шопова С. Место и роль митрополита Кирилла в общественной жизни Пловдива // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина. Пловдив, 2001. С. 32–36.

8. Борис (Добрев), архим. Вопросы христианской нравственности в гомилетическом наследии Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла: дисс. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2000. 164 с.
9. Чонков Ц. И. Русско-болгарские церковные взаимоотношения с 1872 по 1953 год. Загорск: МДА, 1974. 165 с.
10. Димов И. Р. Болгаро-русские церковные взаимоотношения в XX веке. Загорск: МДА, 1976. 265 с.
11. Юлзари Б. А. Незабываемо приятелство между Кирил – Патриарх Български – и семейство Фани и Йосиф Юлзари. София, 2009. 42 с.
12. Димов Я., свещ. Кирил патриарх Български. София, 2005. 317 с.
13. Шпиллер В., прот. Болгарский Патриарх Кирилл как писатель-богослов // Журнал Московской патриархии. 1954. № 8. С. 54–58.
14. Павлов П. Патриарх Кирил. Опыт за животописание // Сборник в чест на Кирил Патриарх Български по случай 100 години от рождението и 30 години от кончина. Пловдив, 2001. С. 11–20.
15. ЦДА [Центральный государственный архив (Болгария)]. Ф. 165. Оп. 9. Д. 264.
16. ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 1680.
17. Алексей (Симанский), патр. Предстоятелям всех Православных Автокефальных Церквей // Журнал Московской патриархии. 1950. № 3. С. 3–6.
18. Шпиллер И. Воспоминания об отце Всеволоде Шпиллере // Отец Всеволод Шпиллер. Страницы жизни в сохранившихся письмах. М., 2004. 592 с.
19. ЦДА. Ф. 1318к. Оп. 1. Д. 661.

Меняйлов Илья Игоревич (иеродиакон Елисей), сотрудник Службы протокола Административного секретариата Московской патриархии, магистр богословия, аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых Кирилла и Мефодия (ул. Пятницкая, 4/2, стр. 1, Москва, Россия, 115035). E-mail: plotnik89@mail.ru

Материал поступил в редакцию 01.06.2017.

DOI 10.23951/16 09-624X-2017-9-31-40

THE ROLE OF THE BULGARIAN PATRIARCH CYRIL IN THE HISTORY OF RUSSIAN-BULGARIAN CHURCH RELATIONS

I. I. Menyaylov (hierodeacon Elisey)

Cyril and Methodius School of Post-Graduate and Doctoral Studies, Moscow, Russian Federation

The article is devoted to the study of life and work of the Bulgarian Patriarch Cyril in the context of studying his Russophile views. The work was based on the correspondence of the Bulgarian First Hierarch with archpriest Vsevolod Spiller and Department for external church relations consultant A. L. Kazem-Bek. The Bulgarian First Hierarch, having received a worthy European education, began his administrative service under the Synod of the Bulgarian Church, first in the rank of hieromonk, then archimandrite and vicar bishop. After a while he became a Plovdiv Metropolitan, taking over one of the largest and oldest dioceses. As the ruling bishop, he actively advocated for the Bulgarian Jews, who, with the arrival of the Nazis, were expelled from Bulgaria and sent to hard labor in labor camps. In addition to the fact that Metropolitan Cyril personally participated in the rescue of Jewish families, he urged the bishops at meetings of the Synod to help them and save them from destruction, thanks to which many Jews were saved.

In 1953 Metropolitan Kirill was elected Patriarch. During his episcopal and patriarchal ministry he had an active correspondence with friends from Russia. Thanks to the surviving letters in this paper we attempted to analyze the nature of this correspondence and draw a conclusion that determines the relevance of the topics covered for contemporary church historical science.

Key words: *Russian Orthodox Church, Bulgarian Orthodox Church, Patriarch Alexy, Patriarch Kyril, archpriest Vsevolod Shpiller, Alexander Lvovich Kazem-Bek, correspondence.*

References

1. Shkarovskiy M. V. *Istoriya Bolgarskoy Pravoslavnoy Tserkvi i eye otnosheniy s Russkoy Tserkov'yu v pervoy polovine XX veka* [The history of the Bulgarian Orthodox Church and its relations with the Russian Church in the first half of the 20th century]. St. Petersburg, SPbTA Publ., 2014. 360 p. (in Russian).
2. Volokitina T. V., Murashko G. P., Noskova A. F. *Moskva i Vostochnaya Evropa: Vlast' i Tserkov' v period obshchestvennykh transformatsiy 40–50-kh godov XX veka: Ocherki istorii: v 2-kh t.* [Moscow and Eastern Europe: Power and the Church in the period of social transformations of the 40–50s of the XX century: essays on history]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 807 p. (in Russian).
3. Sukhanov F. V. *Tserkov' i gosudarstvo v Bolgarii (seredina 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.)*. Dis. kand. ist. nauk. [Church and state in Bulgaria (mid-1940s – early 1950s)]. Diss. cand. hist. sci.]. Krasnodar, 2009. 238 p. (in Russian).
4. *Sbornik v chest na Kiril Patriarkh Blgarski po sluchay 100 godini ot rozhdenieto i 30 godini ot konchina* [Collection in honor of Cyril Patriarch of Bulgaria for the occasion of 100 years from birth and 30 years from the demise]. Ed. S. Shivachev. Plovdiv, 2001. 143 p. (in Bulgarian).

5. Kr̄stev A. Patriarkh Kirill i ego rol' v spasenii bolgarskikh evreev [Patriarch Cyril and his role in saving Bulgarian Jews]. *Sbornik v chest na Kiril Patriarkh Blgarski po sluchay 100 godini ot rozhdenieto i 30 godini ot konchina* [Collection in honor of Cyril Patriarch of Bulgaria for the occasion of 100 years from birth and 30 years from the demise]. Plovdiv, 2001. Pp. 20–26 (in Bulgarian).
6. Balchev V. Vybory Stobiyskogo episkopa Kirilla Plovdivskim mitropolitom [Election Cyril the Bishop of Stobi the Metropolitan of Plovdiv]. *Sbornik v chest na Kiril Patriarkh Blgarski po sluchay 100 godini ot rozhdenieto i 30 godini ot konchina* [Collection in honor of Cyril Patriarch of Bulgaria for the occasion of 100 years from birth and 30 years from the demise]. Plovdiv, 2001. Pp. 26–31 (in Bulgarian).
7. Koleva R., Shopova S. Mesto i rol' mitropolita Kirilla v obshchestvennoy zhizni Plovdiva [The place and role of Metropolitan Cyril in the public life of Plovdiv]. *Sbornik v chest na Kiril Patriarkh Blgarski po sluchay 100 godini ot rozhdenieto i 30 godini ot konchina* [Collection in honor of Cyril Patriarch of Bulgaria for the occasion of 100 years from birth and 30 years from the demise]. Plovdiv, 2001. Pp. 32–36 (in Bulgarian).
8. Boris (Dobrev), archimandrite. *Voprosy khristianskoy npravstvennosti v gomileticheskom nasledii Svyateyshego Patriarkha Bolgarskogo Kirilla*. Dis. kand. bogosloviya [Questions of Christian morality in the homiletical heritage of His Holiness Patriarch Kirill of Bulgaria. Diss. cand. of theological sci.]. Sergiev Posad, 2000. 164 p. (in Russian).
9. Chonkov Ts. I. *Rusko-Bolgarskiye tserkovnye vzaimootnosheniya s 1872 po 1953 god* [Russian-Bulgarian Church Relations from 1872 to 1953]. Zagorsk, MDA Publ., 1976. 265 p. (in Russian).
10. Dimov I. R. *Bolgaro-russkiye tserkovnye vzaimootnosheniya v XX veke* [Bulgarian-Russian church relations in the 20th Century]. Zagorsk, MDA Publ., 1976. 265 p. (in Russian).
11. Yulzari B. A. *Nezabravimo prijatelstvo mezhdu Kiril – Patriarkh B'lgarski – i semeystvo Fani i Yosif Yulzari* [An unforgettable friendship between Cyril – the Patriarch of Bulgaria – and the family Fanny and Joseph Yulzari]. Sofia, 2009. 42 p. (in Bulgarian).
12. Dimov Ya., candle bearer. *Kiril patriarkh B'lgarski* [Bulgarian Patriarch Cyril]. Sofia, 2005. 317 p. (in Bulgarian).
13. Shpiller V., archpriest. *Bolgarskiy Patriarkh Kirill kak pisatel'-bogoslav* [Bulgarian Patriarch Kirill as a writer and theologian]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii – The Magazine of the Moscow Patriarchate*, 1948, no. 11, pp. 54–58 (in Russian).
14. Pavlov P. Patriarkh Kiril. *Opit za zhivotopisaniye* [Patriarch Cyril. Attempt at biography]. *Sbornik v chest na Kiril Patriarkh Blgarski po sluchay 100 godini ot rozhdenieto i 30 godini ot konchina* [Collection in honor of Cyril Patriarch of Bulgaria for the occasion of 100 years from birth and 30 years from the demise]. Plovdiv, 2001. Pp. 11–20 (in Bulgarian).
15. *Tsentralen d''erzhaven arkhiv (CDA)* [Central State Archives (Bulgaria)]. F. 165. Op. 9. D. 264 (in Bulgarian).
16. *Tsentralen d''erzhaven arkhiv (CDA)* [Central State Archives (Bulgaria)]. F. 1318k. Op. 1. D. 1680 (in Bulgarian).
17. Aleksiy (Simanskiy), patriarch. *Predstoyatelyam vseh Pravoslavnykh Avtokefal'nykh Tserkvey* [For all Primates of all Orthodox Autocephalous Churches]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii – The Magazine of the Moscow Patriarchate*, 1950, no. 3, pp. 3–6 (in Russian).
18. Shpiller I. *Vospominaniya ob ottse Vsevolode Shpillere* [Memories of the father Vsevolod Spiller]. *Otets Vsevolod Shpiller. Stranitsy zhizni v sokhranivshikhysya pis'makh* [Father Vsevolod Spiller. Pages from the life in the remaining letters]. Moscow, 2004. 592 p. (in Russian).
19. *Tsentralen d''erzhaven arkhiv (CDA)* [Central State Archives (Bulgaria)]. F. 1318k. Op. 1. D. 661 (in Bulgarian).

Menyaylov I. I. (hierodeacon Elisey), Cyril and Methodius School of Post-Graduate and Doctoral Studies (ul. Pyatnitskaya, 4/2, stroyeniye 5, Moscow, Russian Federation, 115035). E-mail: plotnik89@mail.ru